

Ильдар Дамир-улы ХАННАНОВ

ОБЩЕСТВО ТЕОРИИ МУЗЫКИ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ О МУЗЫКЕ

Ханнанов Ильдар Дамир-улы - доктор теории музыки, профессор университета Джона Хопкинса (США)

В наши дни теория музыки уже не развивается в результате одних лишь усилий отдельных мыслителей. Даже локальные научные центры уже не могут противостоять могущественным национальным сообществам. Первой из таких организаций было американское общество исторического музыковедения (American Musicological Society— основано в 1915 году) в рамках которого существовала секция теории музыки. В 1977 эта секция отделилась и стала Обществом Теории Музыки (СМТ). Сегодня оно насчитывает около 7000 индивидуальных членов и 400 организаций. В 1990е свое общество теории музыки организовали голландцы и бельгийцы. В конце 1990х было основано немецкое общество. Долгое время существовали английское и французское общества музыкального анализа. Итальянская группа анализа также существует около десяти лет.

Преимущества обществ очевидны. Они в состоянии организовать крупные международные конференции, солидные периодические издания, способствовать развитию науки в целом путем расширения и ускорения коммуникации, помощи молодым ученым в виде грантов и предоставления форумов для публикаций и ученым со стажем в виде предоставления возможности руководить процессом развития науки. Общества теории являются межведомственными организациями, отличающимися мобильностью структуры и эффективными горизонтальными связями. Общества теории позволяют преодолеть изолированность вузов и научных центров, сопоставить научные достижения и представить национальную науку на глобальной научной сцене.

В дореволюционной России, в Советском Союзе и в современной Российской Федерации музыкальная наука развивалась в основном силами индивидуальных фигур—в лучшем случае, коллективами учреждений. Наряду с несомненными достижениями, в таком способе существования науки были врожденные недостатки. Всем известно анекдотическое противостояние так называемых ленинградской и московской школ. Это противостояние происходило на глазах у изумленной публики—всех остальных консерваторий и институтов искусств страны. По этой же схеме в последние годы стали появляться новые «школы» теории музыки, в Уфе, в Астрахани. Но лидеры этих школ, вынужденно изолированных друг от друга и от мировой науки, прекрасно понимают сложность ситуации. Этим объясняется подавляюще положительная реакция на предложение автора данной статьи и Валентины Николаевны Холоповой по созданию первого в России национального Общества Теории Музыки, представленное зимой 2010 года ректору Московской консерватории, Александру Сергеевичу Соколову. Руководство Московской консерватории быстро и позитивно среагировало на это предложение. Последовали положительные реакции из РАМ им. Гнесиных, из Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургской государственной консерватории. В апреле 2011 в МГК состоялся учредительный съезд Общества Теории Музыки. На нем прозвучали доклады, суммирующие развитие отрасли за последние десятилетия и были избраны президент, члены совета, научный комитет. С этого момента, можно сказать, теория музыки в России стала развиваться по новому пути, с новой энергией к новым, ранее недостижимым целям.

Уже осенью 2010 года группа теоретиков из России посетила крупнейшую европейскую музыкально-теоретическую конференцию EUROMAC, в Риме, в Консерватории Санта Чечилия. Ранее, как известно, только единицы могли себе позволить такую поездку. А, в этот раз, целая делегация, во главе с ректором МГК, приехала в Рим. Цели были—во первых, конечно, себя показать и на других посмотреть. Также были представлены два доклада, торжественное выступление А. С. Соколова на открытии конференции. Но, самым главным и интересным событием было участие российской делегации в организационном совещании EUROMAC. На такое совещание россиян пригласили впервые. Впервые за всю историю России! И, только потому, что мы представляли зарождавшееся Общество, нас приняли, на равных, для участия в этом совещании. Оно происходило в римской консерватории, за столом, за которым когда-то сидел Муссолини (!). Российское общество пригласили в Федерацию обществ теории музыки Европы, наряду с французским, английским, голландско-бельгийским, немецко-

австрийским и итальянским. В настоящее время российское Общество Теории Музыки входит, на полных правах и с решающим голосом, в федерацию обществ и в оргкомитет ЕВРОМАК8. Впервые в Европе, объявление о конференции было опубликовано на нескольких языках, включая русский. От нас ожидается составление части программы ЕВРОМАК8 в Левене, в частности, мы организуем отдельную мини-конференцию—вечернее заседание—в котором будет представлена российская музыкальная наука. Степень доверия к России в ЕВРОМАКе трудно переоценить. Общество Теории Музыки в ближайшем будущем проведет один из следующих ЕВРОМАКов в России.

В создании ОТМ принимали активное участие и американские коллеги. Так, президент американского общества теории музыки, Др. Линн Роджерс, прислала нам копию устава и распорядка американского общества, на основе которых адвокаты в Москве составили устав ОТМ, по всем требованиям европейских научных организаций. В июне 2013 года ОТМ получило официальное приглашение от американского общества по проведению совместной конференции, силами ОТМ и СМТ, в 2017 году, на территории США.

В сентябре-октябре 2013 года, в Петербурге состоялся первый международный Конгресс российского Общества Теории Музыки. В Петровском зале и в Зале 12 Коллегий Петербургского университета, а также в Глазуновском зале консерватории, при стечении сотен слушателей (удивительный факт, беспрецедентный на многих западных конференциях!) прозвучали доклады ведущих российских и зарубежных теоретиков. Достаточно сказать, что из США приехал д-р Фред Лердал, основатель когнитивного музыковедения, а из Германии приехал Герман Данузер, ученик Дальхауза и один из основоположников современной музыкальной герменевтики. Была и Иванка Стоянова из Сорбонны, и Михель Схаер из консерватории Амстердама, и Гезине Шредер из Берлина и Вены, Симон Перри из Австралии, Белла Бровер-Любовски из Израиля. Порадовали докладчики из Белоруссии, Украины и Азербайджана. С переводами проблем не было—университетские переводчицы произвели неизгладимое впечатление на иностранных участников. Готовится публикация материалов конференции в западных изданиях, причем, у ОТМ есть уже выбор—несколько крупных западных издательств предложили свои услуги.

Что-то совершенно новое стало происходить в теории музыки в России и на постсоветском пространстве. Ведь ранее было понятно всем, что какое-то проклятье довлело над нашей наукой, то, что профессор МГК Роман Насонов назвал кириллической изоляцией. Были конференции и организации, называвшие себя международными—но они

привлекали в основном участников из бывшего Советского Союза. Наша наука развивалась сама по себе, а западная наука—отдельно. Российское Общество Теории Музыки уже за два года сумело преодолеть как барьер между Россией и Западной Европой, так и барьер между Россией и США. Ощущение после сентябрьского конгресса такое, что прорвало плотину. Например, Фред Лердал тщательно записал основные положения доклада Татьяны Сергеевны Бершадской и признался, что они повторяют основные тезисы его только-что опубликованной книги. На докладе Иванны Стояновой в консерватории присутствовало более ста человек. Ректор МГК, проректор МГК, проректор Казанской консерватории и главред голландского журнала по теории музыки слегка опоздали—пришлось им сесть на подоконник! А до чего было приятно видеть Лердала и Данузера за одним столиком в ресторане, беседующих о проблемах иерархии и семантики. Доклад В. Н. Холоповой прозвучал в огромном актовом зале университета, торжественно и величественно. Ее студентка Елена Журова устроила настоящий перформанс—слушателей было столько, что негде было стоять. Имину Алиеву из Баку слушали Филип Юелл из Нью-Йоркского Городского Университета и Алексей Панов—заместитель декана факультета искусств Петербургского университета. Участники ходили по коридорам университета и с восторгом читали таблички на дверях: класс Владимира Проппа, класс профессора Марра, и так далее. Для иностранных участников университет, консерватория, Невский были культурным шоком. И консерваторские теоретики были в восторге—наверное, со времен Шостаковича и Тюлина в этих коридорах не было так теоретически шумно и по-музыковедчески весело. Другими словами, в российской теории музыки произошло оживление. И очень вовремя—ведь уже начало ощущаться серьезное отставание от жизни.

За прошедшие двадцать лет теория музыки на Западе стала ускоряться, развиваться по спирали. Всего лишь десять лет назад теория ритма строилась на доводах Хуго Римана, Джоела Лестера и Леонарда Майера. Потом пришла генеративная теория музыки Лердала и Джакендофа и базовые категории поменялись. Всего лишь десять лет назад в западных учебниках не было понятия формы предложения, а в 1998 году появилось новейшее учение о функциях разделов формы Уильяма Каплина и в теорию формы темы вернулось шенберговское предложение. Всего лишь шесть лет назад в американской теории музыки доминировала концепция октатоники—а сегодня, после публикаций Дмитрия Тимошко, она уступила место новой концепции геометрии музыки. Всего шесть лет назад на Западе принято было игнорировать любые аспекты в сонатной форме, кроме линейного объединения тональных областей, но с публикацией книги Уоррена Дарси и Джеймса

Хепокоски появилась новая теория сонатной формы (которая, кстати, заимствует многие методы российской!).

Не имеет смысла укорять себя за то, что двадцать лет не было широкополосной коммуникации с западными коллегами. Сейчас, когда возникли новые возможности, выясняется, что Россия и ее ближайшее окружение накопили огромный потенциал. За плотинной, которую сейчас прорвало, накопился величественный корпус знаний. Ведь и западные коллеги многого не знали и получили возможность познакомиться с нашими концепциями только сейчас. Ко всем инновациям в западной науке последних двадцати лет наша традиция может прибавить свои значительные достижения. Что будет дальше?

А дальше будет то, о чем говорят руководители России. Да, их попытки модернизировать науку очень часто оказываются безуспешными. Их методы часто вызывают усмешки ученых. Но направление, в котором они пытаются продвигать дело, не должно вызывать ни у кого никаких сомнений. Вот и ВАК требует включения публикаций в индексы цитирования. А как это можно сделать, если наука находится в полной изоляции, языковой барьер кажется непреодолимым, и все это происходит на фоне политической борьбы цивилизаций? Web of Science начнет принимать российские журналы и публикующие их вузы только после того, как наладится широкополосная коммуникация между Западом и Востоком. И Общество Теории Музыки играет и будет играть в этом деле существенную роль.

Вырастет новое поколение теоретиков, вооруженных всей полнотой отечественной традиции и знающих письменный английский, так же как и все современные концепции и тенденции мировой науки. Для них участие в очередном международном конгрессе будет привычным делом. Общество Теории Музыки окрепнет и сможет помогать молодым ученым и материально, и профессионально. Что даст доклад на конгрессе аспиранту из Астрахани или Новосибирска? Вероятно—путевку в жизнь, в профессию. Что даст остепененному теоретику, лидеру науки, возможность опубликовать свои достижения в центральном научном журнале Общества Теории Музыки, на двух языках? Возможно—всеобщее признание, как в России, так и на Западе. К чему приведет укрепление системы предпубликационного рецензирования и строгого отбора заявок на конгресс? Очевидно—к повышению стандартов и качества, академической строгости, которыми сегодня так гордятся наши американские коллеги.

Пути развития Общества Теории Музыки России вполне ясны. Нужно, чтобы общество укрупнялось при помощи создания структурных подразделений. Каждое такое подразделение будет обладать весьма независимым статусом (сможет публиковать свои

журналы, выбирать своих руководителей и проводить свои конференции). За примерами далеко ходить не надо. В рамках американского национального общества теории музыки действует ряд подразделений, таких как Music Theory Society of New York City, Music Theory Society of the Mid-West, Rocky Mountain Society for Music Theory, West Coast Chapter on Music Theory and Analysis, New England Society for Music Theory и так далее. Такие подразделения могут быть как национальными, так и международными. Например, в голландско-бельгийском обществе, очевидно, две структуры, также как и в немецко-австрийском. Чем больше подразделений—тем более представительным оказывается общество в целом и, как следствие, более существенную поддержку из центра получает каждое подразделение. Даже если, скажем, в будущем азербайджанском обществе теории музыки будет в начале его существования 7-8 членов, участие в российском Обществе даст существенные преимущества и придаст ему жизнеспособность. Так, например, конгресс ОТМ в этом году уже собрал 70 участников из 20 стран. Следующий, в Москве, через два года, будет еще более представительным. Участие в нем на правах членов ОТМ будет весьма выгодным для азербайджанских теоретиков: для выхода в западные структуры путь через ОТМ может оказаться менее тернистым.